

Д.К. ХЕТАГУРОВА

(ЦСАИ ВНЦ РАН, Владикавказ)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА ЧЕРТА В ПОЭЗИИ А. И. ТОКАЕВА

В истории осетинской литературы начала XX века значительное место занимает творчество Алихана Инусовича Токаева (1893-1920). Поэт-символист, новатор осетинского стихосложения, незаурядный драматург, публицист, художник, он соединил в своем творчестве осетинские национальные традиции и новые эстетические идеалы символизма, по-новому интерпретируя сюжеты и образы мифологии и фольклора.

Расцвет творчества А. И. Токаева приходится на начало XX века — время символизма. Именно эстетика символизма явилась основой для поэтического мира Алихана Инусовича. Поэтому трактовка фольклорных образов в поэзии Токаева ведется именно с позиции символистской, где символ — универсальный способ проникнуть «за видимую оболочку вещей к их сокровенной и вечной сущности» [1, с. 11].

Интерес к фольклору проходит через все творчество поэта, обогащая и питая его поэтический мир.

Особый интерес у поэта вызывает образ чёрта («хæйрæг») в стихотворениях «Сау коммæ тарф тын...» («В черное ущелье тяжелый луч...») и «Аууоны хъæртæ» («Крики в тени»), к нему автор обращается довольно часто в попытке обозначить комплекс негативных феноменов, так или иначе противопоставленных духовному миру лирического героя.

В стихотворении «В черное ущелье тяжелый луч...» («Сау коммæ тарф тын...») [2, с. 109 — 110] Алихан Инусович с помощью языка природы и символических фольклорных образов черта («хæйрæг») и Уносящего душу («Удхæссаг») создает картину народного бедствия, нищеты и беспроглядной ночи, где ожидание «восхода солнца» является символом новой, счастливой жизни, избавления от зла и мрака.

Сау коммæ тарф тын
Бæрзæндтæй каст,
Н' алыгъд йæ тар фын,
Н' аскъуыд йæ маст.

В черное ущелье тяжелый луч
С высоты смотрел,
Не убежал его мрачный сон,
Не порвалось его горе.

Арвæй фæхаудта
Зæхмæ цæхæр,
Даудта уый, даудта
Комæн йæ сæр.

С небес упала
На землю искра,
Гладила, она, гладила
Голову ущелья.

Уый йæм æркасти
Æврагътæй мæй,
Ком та йæ мастæй
Бацц фынаы.

Это глянула на него
Из-за облаков луна,
А ущелье от злости
Уснуло.

Арвæй ыстъалы
Коммæ уый тахт,
Бамынаг тары,
Тары ныссагъд [2, с. 109].

С неба звезда
Летела к ущелью,
Померкла в темноте,
В темноту вонзилась.

В первой части стихотворения автор представляет некую абстрактную картину ночи в горах, в которой свет — это ложное сияние луны и звезд, не приносящее радости жизни: «тяжелый, мрачный луч, упавший на землю» от луны, сеет «злой сон», а звезда, сорвавшаяся с небосклона и летевшая к земле, так ее и не достигла — «вонзилась во тьму». В восприятии поэта его родные горы спят злым, тяжелым сном без отдохновения, во тьме и без надежды. Причина безрадостного ночного пейзажа — не сугубо природные явления (ночь-день), но трагическая, символическая «ночь», которую распространяет по горам черт:

Чи дæ рæвдауы,
Дæу, уæ, мæ хох?
Чи дыл æфтауы
Йе згæхæрд рох?

Кто тебя ласкает,
Тебя, о, моя гора?
Кто на тебя набрасывает
Свою проржавелую уздечку?

Уый йæ рæвдауы
Талынджы тох,
Уый йыл æфтауы
Хæйраг йæ рох.

Это ее ласкает
Война во тьме,
Это на нее накинул
Черт свою уздечку.

Худгæ фæтæхы
Сау коммæ дард,
Комы фæтæхы
Тарæй йæ арт.

Смеясь летает
В темное ущелье далеко,
В ущелье летает
Из тьмы его огонь.

Удхæссæг зары
Хохмæ æргом,
Уый йыл æвзары
Цæвæджы ком... [2, с. 109 — 110]

Уносящий душу поет
Горе открыто,
Он на ней испытывает
Острие косы...

Черт и Уносящий душу — фольклорные образы. Так черт, один из популярных персонажей осетинского фольклора, дух, принадлежащий подземному, нижнему миру («даелимон» — «нижний (dæl) дух (mon)» [3, с. 354]), «существуют, как злые, так и добрые черти» [4, с. 54 — 55]. Однако, как правило, чертей стараются избегать, так как от них «кроме беды, никакой помощи ждать не приходится» [5, с. 41], обычно они принимают облик волосатого, невымытого человека, «питающегося грязью и редко человеческой пищей, <...> с вывернутыми вперед ногами-пятками (размæзæвæтджынтæ)» [6, с. 51]. В осетинском фольклоре есть несколько разновидностей чертей (Æхсавидар [7, с. 32], Хуызисæг [7, с. 184] и др.), черт — популярный образ в осетинских народных сказках, в которых он символизирует, как правило, хитрость, изворотливость, злобу («Три сына бедняка» [8, с. 134 — 142], «Сын суки» [8, с. 162 — 177], «Бедняк, Уасгерги и черт» [8, с. 470 — 479] и др.). Место обитания чертей не только подземелье, живут они и на земле «в горных долинах, оврагах, лесах, водоемах, мельницах, заброшенных домах и т.д. Показываются они только ночью» [4, с. 55]. Черти не только пакостят и вредят — как свидетельствуют фольклорные данные, осетины от чертей «научились изготовлению араки» [6, с. 52], в нартских сказаниях черти помогли Сослану выбраться из преисподней.

Следующий образ, упоминаемый в стихотворении — Удхæссæг (букв. «уносящий душу») — «существо, которое, согласно верованиям осетин, приходит за душой человека в день его смерти; ангел смерти» [7, с. 155 — 156], является самым ужасным чудовищем, часто присутствует и в ругательствах, как нечто отвратительное и злое.

В стихотворном тексте Токаева два ужасных символа ночи, преисподней — Черт и Удхæссæг, те, кто держат под гнетом родную землю лирического героя. Черт, набросивший на гору уздечку, и Удхæссæг, который натаскивает свою косу о нее. Свободно, не страшась ничего и никого, силы зла осели на земле, не пуская на нее солнечный луч, а единственный источник

света — это «огонь из тьмы», другими словами, злобный, ложный свет зла, тот, что принес с собой черт.

Однако картина беспроглядной тьмы сменяется надеждой в третьей, финальной части стихотворения:

Сай ныр дае садай,
Уа, мае хох, ды,
Ниугае аенцадай,
Хаугае маеты.

Болей своей болезнью
О, моя гора, ты
Вой смиренно,
Проваливайся в переживания.

Судзгае дын зары
Зардае, мае хур...
Ахуысс уал тары,
Ракасдзаен хур [2, с. 110].

Горящее, поет для тебя
Сердце, мое солнце...
Поспи пока в темноте,
Солнце взойдет.

Обращаясь к фольклорным образам черта и Удхассаг, автор в символической форме указывает на беспощадных угнетателей родной земли, тех, кто не пускает свет на землю. Поэтому «чертовщина» у Токаева — это зло общественно-историческое.

Однако, любой сон заканчивается, также, как и любая ночь приходит к концу, так и в данном тексте: тяжкие страдания родной земли будут преодолены, поскольку неизбежно «солнце взойдет» и свобода с истиной будут обретены.

В следующем стихотворении «Крики в тени» («Аууоны хьарта») [2, с. 143 — 144] А.И. Токаев соединяет в образе черта черты, взятые не только из осетинского фольклора, но и обращается к библейскому образу Сатаны.

Касын, касын даумæ, уае Хайраг.
Æз даумæ касын.

Жду, жду тебя, о Черт. Я тебя жду.

Дае быны ды мае Иры скодтай.
Фæзын, фæзын маем ды.

Подмял под себя ты мою Осетию.
Яви себя, яви себя мне.

Хæцын, дауае хьарзын...

Борюсь, стенаю от тебя...

Мае Иры ды æвзонгае сходтай.

Мою Осетию в расцвете сил
сожрал.

Æрхаудтай рухс уæларвай
ды зæхмæ, зæхмæ, зæхмæ.

Упал со светлых небес ты
на землю, на землю, на землю.

Дае бæстæ – талынг, талынг, талынг.

Твоя страна - тьма, тьма, тьма.

Дае хьар, дае худт, дае куыд

Твой крик, твой смех, твой плач

хьуысынц нае лагæттæй маенмæ,

доносятся до меня из наших пещер,

Уае бæстæ, бæстæ, бæстæ халаг

О разрушитель, разрушитель,

[2, с. 143].

разрушитель края.

Следует отметить, что отличительной особенностью всей поэзии А.И. Токаева является создание нового для осетинской литературы лирического героя, отличающегося ярко выраженной индивидуальностью, многосложностью, противоречивостью характера. Лирический герой поэзии А.И. Токаева — иной, противопоставляющий себя другим. Человек с душой ангела, Избранный, сын Солнца, тот, кто обладает тайными знаниями, Сверхчеловек, воспринимающий боль мира как свою собственную, сражающийся со злом во имя счастья не личного, а общенародного.

В стихотворении «Крики в тени» герой взывает к черту, вызывает его на бой, призывает к сражению в попытке освободить свой родной край от его гнета.

В христианской традиции к Сатане относят пророчество Исаии о царе Вавилона (Ис. 14:3-20). Согласно трактовке, он был сотворён как ангел, но, возгордившись и пожелав быть равным Богу (Ис. 14:13-14), был низвержен на землю, став после падения «князем тьмы», отцом лжи, человекоубийцей (Ин. 8:44) — предводителем мятежа против Бога. В стихотворении Алихана Инусовича черт может восприниматься именно как Сатана, поскольку упал со светлых небес на землю, где он сеет тьму, страх и разруху.

Лирический герой взывает к черту, зовет его на бой, так как он определил своего врага, слышит его голос в ночи (смех, плач, крик), но не видит. В третьей и четвертой строфе герой обращается к черту, открыто характеризует своего противника, наделяя ее негативными эпитетами, определенными свойствами:

Мæнгард, гæды, фæлывд, фæлдыстæй, уæ стыр хæйраг, Æрцардтæ лагæтты нæ хæхты. Фæивыс мин хатты дæ хуыз: куы ус, фыдус, куы лæг...	Коварный, лживый, фальшивый, проклятый, о великий черт, Поселился в пещерах в наших горах. Меняешь тысячи раз свои обличья: то женщина, то стерва, то мужчина...
Ныххойы Рухс дæу фæхты, фæхты.	Побивает Свет тебя в ступе, в ступе.
Ды Рухсæй лидзыс, талынджы хæтыс, уæ стыр æлгъыст! Æнакæронæй хуыз фæливыс. Хæцын æз демæ ам, фæлдыст.	От Света ты бежишь, во тьме скитаешься, о великое проклятие! Бесконечно меняешь обличья. Сражаюсь здесь я с тобой, посвященный.
Æртыхст мæныл, æртыхст Дæ ауон. Уым та худгæ ссивыс [16, с. 143].	Окружила меня, окружила Твоя тень. В ней опять собираешься, смеясь.

Черт у Токаева бесконечно ускользает и меняет внешний облик, как и в осетинской мифологии, где черти — существа крайне изворотливые, коварные: «они обладают способностью мгновенно исчезать, и увидеть их можно лишь тогда, когда они сами того пожелают» [6, с. 52], при этом могут принимать различные обличья: «вид знакомых, неожиданно вспахивающего в разных местах огня, белой женщины и т.д.» [4, с. 55 — 56]. В осетинской сказке «Сын суки» черт показывался героям «то в образе матери, то в образе отца» [8, с. 176].

Создавая в стихотворении общеизвестный образ лживого, изворотливого черта, Токаев обозначает и его главного гонителя — Свет, отождествляя его с Богом, в их вечной борьбе-противостоянии, при этом себе лирический герой Токаева отводит одну из главных ролей в сражении, так как он «посвященный», тот, кто может сражаться со злом от имени Создателя. Причем эта битва проходит не в привычной реальности, а в некоем мистическом пространстве, где тени окружают героя, в них прячется противник, распадаясь и вновь обретая единство, как бы обтекает лирического героя, смеясь, провоцирует вступить с ним в смертельную игру. Изучая религиозные верования осетин, академик А.М. Шёгрэн отмечал, что «в каждом месте существует злой дух, который старается напакостить людям; в иных местах являются тени по ночам, в других злой дух забавляется зажиганием сена или переноскою с места на место» [9, с. 43]. Так и в стихотворении А.И. Токаева черт прячется в тени играючи, перескакивает с места на место, обманывает и издевается.

В последних строфах лирический герой поет своеобразную песнь своему противнику — черту, обозначая все свойства его природы и определяя свой собственный путь — упорное сражение, отчаянную борьбу со злом:

Уæ, сауцæсгом! Зæрдæсайæг сызгъæринау ды дæ. Дæ аууон аууæтты фæтæхы.	О, чернолицый! Фальшивое золото — это ты.
Уæ, марг, уæ арт хæйрæг, мардон ысмаг, уæ стыр цыдæр, Дæ тар рухс тар бæстыл фæлдæхы.	Тень твоя в тенях пролетает. О, яд, о черт-огонь, трупная вонь, о нечто великое, Твой темный свет обрушился на темный край.
Цæуын, цæуын. Кæм дæ? Уæ адджын марг, уæ мин низы! Дæ фæдыл аууæтты хæтдынаен.	Иду, иду. Где ты? О сладкий яд, о тысячи болезней! За тобой в тенях буду скитаться.

Уæ, стыр цыдæр... Сызгъæринты æртгывд... Уæ, тутт ницы, Æз демæ аууæтты хæцдынаен [2, с. 143 — 144].	О, великое нечто... Золота блеск... О, пустое ничто, Я с тобой в тенях буду сражаться.
---	--

Черт у Токаева образ сложный и многогранный, его лживость, обманчивость, изменчивость — несомненно фольклорного свойства, при этом в тексте используются и собственно авторские характеристики: «Уæ, марг, уæ арт хæйраг, мардон ысмаг, уæ стыр цыдæр» («О яд, о черт-огонь, трупная вонь, о нечто великое»), фальшивое золото, ложный огонь (в противовес истинному свету — божественному), одновременно что-то великое и нечто пустое. Двойкость, неуловимость черта выражается еще и в том, что его место обитания — тени, нечто зримое, но при этом совершенно нематериальное, особое место, где идеально может спрятаться «великое ничто». Тень нельзя разрубить или уничтожить обычным способом, она всегда там, где есть свет, потому бой лирического героя чрезвычайно сложен, ведь одно не бывает без другого, но свет — всегда первичен, если нет его, то нет и тени.

Таким образом, можно сделать вывод, что, будучи поэтом-символистом, Алихан Инусович Токаев трактует фольклорные образы в анализируемых стихотворениях многогранно, органично вплетая мифологическую символику в собственный поэтический текст, где она обретает новое значение, соединяя современность и архаику, становясь универсальным поэтическим символом, служащим для передачи глубинных смыслов образного мира автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колобаева Л.Н. Символ в понимании символистов // Колобаева Л.Н. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. С. 10-29.
2. Токаты А.И. Уацмыстæ. Орджоникидзе: Ир, 1973. (Все стихотворения цитируются по указанному сборнику в подстрочном переводе).
3. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (в 4-х томах). Т. I. Л.: Наука, 1958.
4. Сланов А.А. Семейные ценности // Сланов А.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: СОГПИ, 2007. С.67-70.
5. Згидская красавица // Осетинские народные сказки. Составитель и переводчик: Саламов Т.А., Владикавказ: Ир, 2006. С. 40-41.
6. Чибиров Л.А. Демонологические представления // Чибиров Л.А. Традиционная культура осетин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 50-59.

7. ДЗадзиев А.Б, Дзуцев Х.В, Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие В.А. Гасиева, 1994.

8. Осетинские народные сказки. Запись текстов, перевод, предисловие и примечания Г.А. Дзагурова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

9. ШЕГРЕН А.М. Религиозные обычаи осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Шёгрэн А.М. Осетинские исследования. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 40-68